

П. И. Мельников

**Полное собрание
сочинений**

тома 7-8

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. И. Мельников**
Полное собрание сочинений: тома 7-8 / П. И. Мельников – М.: Книга по Тре-
бованию, 2021. – 816 с.

ISBN 978-5-518-02857-9

ISBN 978-5-518-02857-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

НА ГОРАХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отъ устья Оки до Саратова и дальше внизъ правая сторона Волги *Горами* зовется. Начинаются горы еще надъ Окой, выше Мурома, тянутся до Нижняго, а потомъ внизъ по Волгѣ. И чѣмъ дальше, тѣмъ выше онѣ. Рѣдко горы перемежаются—тамъ только, гдѣ съ праваго бока рѣка въ Волгу пала. А такихъ рѣкъ немного.

Мѣста «на Горахъ» нидать-нивятъ окаменѣлыя волны бурнаго моря: горки, пригорки, бугры, холмы, изволоки грядами и кряжами тянутся во всѣ стороны межъ доловъ, логовъ, овраговъ и суходоловъ; рѣки и рѣчки колесятъ во всѣ стороны, пробираясь межъ угорій и на каждомъ изгибѣ встрѣчая возвышенности. По инымъ мѣстамъ нашей Руси рѣдко такія рѣки найдутся, какъ Пьяна, Свѣга да Кудьма. Еще первыми русскими насельниками Пьяной¹⁾ рѣка за то

¹⁾ Пьяна упоминается въ лѣтописяхъ. Русскіе поселились на ней въ половинѣ XIV вѣка, и тогда еще по поводу пораженія нижегородской великокняжеской рати ордынскимъ царевичемъ Арапшой сложилась поговорка: «За Пьяной люди пьяны».

прозвана, что шатается, мотается она во всѣ стороны, ровно хмѣльнѣя баба, и, пройдя версть пятьсотъ закрутасами да изворотами, подбѣгаетъ къ своему истоку и чуть не возлѣ него въ Суру выливается. Свіага — та еще куралесить: подошла къ Симбирску, версты полторы до Волги остается, — нѣтъ, повернула таки въ сторону и пошла съ Волгой рядомъ: Волга на полдень, она на полночь и версть триста рѣки другъ другъ дружкѣ на встрѣчу текутъ, а слиться не могутъ. Кудьма, та совсѣмъ къ Окѣ подошла, только бы влиться въ нее, такъ нѣтъ, вильнула въ сторону, да версть за сотню оттуда въ Волгу ушла. Не захотѣлось сестрицей ей быть, а дочерью Волгиной. Такъ говорятъ... И другія рѣки и рѣчки на Горахъ всѣ до единой извилисты.

Издревле та сторона была крыта лѣсами дремучими, сидѣли въ нихъ мордва, черемисы, болгары, буртасы и другіе язѣки чужеродные; лѣтъ за пятьсотъ и поболѣ того русскіе люди стали селиться въ той сторонѣ. Константинъ Васильевичъ, великій князь суздальскій, въ половинѣ XIV вѣка перенесъ свой столъ изъ Суздаля въ Нижній Новгородъ, назвалъ изъ чужихъ княженій русскіхъ людей и расселилъ ихъ по Волгѣ, по Окѣ и по Кудьмѣ. Такъ лѣтописецъ говоритъ, а народныя преданья вотъ что сказываютъ

«На горахъ то было, на горахъ на Дятловыхъ: ¹⁾ Мордва своему Богу молится, къ землѣ-матушкѣ на востокъ поклоняется... Ёдетъ Бѣлый Царь по Волгѣ рѣкѣ, плыветъ государь по Вѣложкѣ на камешкѣ. Какъ возгворитъ Бѣлый Царь людямъ своимъ: «ой, вы гой еси мои слуги вѣрные неизмѣнные, вы подите-ка, поглядите-ка на тѣ ли на горы на Дятловы,

¹⁾ Въ *Книжѣ Большою Чертежю*: «А нижній Новгородъ стоитъ на Дятловыхъ горахъ».

что тамъ за березникъ мотается, мотается-шатается, къ землѣ-матушкѣ преклоняется?»... Слуги пошли, поглядѣли, назадъ воротились, Бѣлому Царю поклонились, великому государю такую рѣчь держатъ: «не березникъ то мотается-шатается, Мордва въ бѣлыхъ балахонахъ богу своему молится, къ землѣ-матушкѣ на востокъ преклоняется». Вопросилъ своихъ слугъ Бѣлый Русскій Царь: «а зачѣмъ Мордва кругомъ стоитъ и съ чѣмъ она богу своему молится?» Отвѣтъ держать слуги вѣрныя: «стоятъ у нихъ въ кругу бадьи могучія, въ рукахъ держитъ Мордва ковши завѣтные, завѣтные ковши большіи-набольшіи, хлѣбъ да соль на землѣ лежатъ, каша, ячница на рычагахъ висятъ, вода въ чанѣхъ кипитъ, въ ней говядину янбедь ¹⁾ варить». Какъ возговоритъ Бѣлый Русскій Царь: «слуги вы мои, подите, дары отъ меня отнесите, такъ ей на молянѣ ²⁾ скажите: вотъ вамъ боченокъ серебра, старики, вотъ вамъ боченокъ злата, молельщики; на мордовскій молянѣ вы прямо ступайте, мордовскимъ старикамъ сребро, злато отдайте». Вѣрныя слуги пошли, царскій даръ старикамъ принесли, старики сребро, злато приняли, сладкимъ сусломъ царскихъ слугъ напоили; слуги къ Бѣлому Царю приходятъ, вѣсти про Мордву ему доводятъ: «угостили насъ мордовски старики, напоили сусломъ сладкимъ, накормили хлѣбомъ мягкимъ». А мордовски старики, отъ Бѣлаго Царя казну получивши, послѣ моляны судили-рядили: что бы Бѣлому Царю дать, что бы великому государю въ даръ отъ Мордвы послать. Меду, хлѣба, соли набрали, блюда могучія наклали, съ молодыми ребятами послали. Молодые ребята пріуставши сѣли: медъ, хлѣбъ-соль поѣли, «старики де не узнаютъ». Земли да желта

¹⁾ Одинъ изъ прислужниковъ «возати»—мордовскаго жреца.

²⁾ Общественное моленіе.

песку въ блюда накладали, наклавши пошли и Бѣлому Царю поднесли. Бѣлый Русскій Царь землю и песокъ честно принимаетъ, крестится, Бога благословляетъ: «слава Тебѣ, Боже Царю, что отдалъ въ мои русскія руки мордовску землю». И поплылъ тутъ Бѣлый Царь по Волгѣ рѣкѣ, поплылъ государь по Воложкѣ на камешкѣ, въ лѣвой рукѣ держитъ ведро русской земли, а правой кидаетъ ту землю по берегу... И гдѣ броситъ онъ горсточку, тамъ городъ ставится, а гдѣ броситъ щепоточку, тамо селеньеце».

Таковы сказанья на горахъ. Идутъ они отъ дѣдовъ, отъ прадѣдовъ. И у русскихъ людей, и у мордвы съ черемисой о русскомъ заселеньѣ по Волгѣ преданье одно.

Русскіе люди, чуждую землю занявъ, селились въ ней по путямъ, по дорогамъ. Въ даль они не забирались, чтобъ среди враждебныхъ племенъ быть на готовѣ на всякій случай, другъ ко дружкѣ поближе. Путьми, дорогами — рѣки были тогда. И доселѣ только по рѣкамъ примѣтны слѣды старорусскаго расселенья. По Волгѣ, по Окѣ, по Сурѣ и по мѣньшимъ рѣкамъ живетъ народъ совсѣмъ другой, чѣмъ вдали отъ нихъ, ростомъ выше, станомъ стройнѣй, изъ себя красивѣй, силою крѣпче, умомъ богаче сосѣдей — издавна обрусѣвшей мордвы, что теперь совсѣмъ почти позабыла и древнюю вѣру, и родной языкъ, и преданья своей старины. Мѣстами мордва сохраняетъ еще свою народность, но съ каждымъ поколѣньемъ больше и больше русѣеть. Такъ межъ Сурой и Окой, ниже Сурскаго устья, версть на двѣсти по обѣ стороны Волги, сплошь чужеродцы живутъ, они не русѣютъ: черемисы, чувашы, татары. И ниже тѣхъ мѣстъ по нагорному берегу Волги встрѣтишь ихъ поселенья, но отъ Самарской Луки вплоть до Астрахани сплошь русскій народъ живетъ, только около Саратова, на

лучшихъ земляхъ пшеничнаго царства, нѣмцы поселились; и живутъ они межъ русскихъ тою жизнью, какою живали на далекой своей родинѣ, на бережьяхъ Рейна и Эльбы... Велика, обширна ты, матушка наша, земля Святорусская!... Въ волю простора, въ волю раздолья!... Всѣхъ, матушка, кормишь, одѣваешь, обувашь, всѣмъ мать-кормилица хлѣба даешь — и своимъ, и чужимъ, и роднымъ сынамъ и пришлымъ изъ чужа пасынкамъ. Любишь гостей угощать!... Кто ни пришелъ, всякому: «милости просимъ — честь да мѣсто къ русскому хлѣбу да соли!»... Ну, ничего, насъ не объѣдятъ.

Въ старыя годы на горахъ росли лѣса кондовые, мѣстами досель они уцѣлѣли, больше по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ чуваша, черемиса да мордва живутъ. Любить тѣ племена лѣса дремучіе да рощи темныя, ни одинъ изъ нихъ безъ нужды деревца не тронетъ, ронять лѣсъ безъ пути по ихнему грѣхъ великій, по старинному ихъ закону: лѣсъ — жилище боговъ. Лѣсъ истреблять — божество оскорблять, его домъ разорять, кару на себя накликаютъ. Такъ думаетъ мордвинъ, такъ думаютъ и черемисъ и чувашанинъ.

И потому еще, можетъ быть, лобять чужероды родные лѣса, что встарину, не имѣя ни городовъ, ни крѣпостей, долго въ недоступныхъ дебряхъ отстаивали они свою волюшку, сперва отъ татаръ, потомъ отъ русскихъ людей... Русскій не то, онъ природенный врагъ лѣса: свалить вѣковое дерево, чтобы вырубить изъ сука ось либо оглоблю, сломить ни на что ненужное деревцо, ободрать липку, засушить березку, выпуская изъ нея сокъ, либо снимая бересту на подтопку — ему ни почемъ. Столѣтніе дубы даже ронять, ободрать бы только съ нихъ жолуди свиньямъ на кормъ. Въ старыя годы, когда шагъ за шагомъ Русь отбивала у старыхъ насельниковъ землю, не-

щадно губила лѣса, какъ вражескія твердыни. Привычка осталась; и теперь на горахъ, гдѣ живутъ коренные русскіе люди, не помѣсь съ чужеродцами, а чистой славянской породы, лѣсовъ больше нѣтъ, остались кой-гдѣ рощицы, кустарникъ да ерники... По инымъ мѣстамъ таково безлѣсно стало, что ни прута, ни лѣсинки, ни барабанной палки; такая голь, что кнутовища негдѣ вырѣзать, парнишку нечѣмъ посѣчь. Сохранились лѣса въ большихъ помѣщичьихъ имѣньяхъ, да и тамъ въ послѣдніи годы сильно порѣдѣли... Лѣсныя порубки въ чужихъ дачахъ мужиками въ грѣхъ не ставятся, на совѣсти не лежатъ. Лѣсъ никто не садилъ, толкуютъ они, это не садъ. «Самъ Богъ на пользу человѣкамъ вырастилъ лѣсъ, значить руби его сколько тебѣ надо».

Хлѣбопашество—главное занятъе нагорнаго крестьянина, но повсюду оно объ руку съ какимъ ни на есть промысломъ идетъ, особливо по рѣчнымъ берегамъ, гдѣ живетъ чистокровный славянскій народъ. Въ однихъ селеньяхъ слесарничаютъ, въ другихъ скорняжничаютъ, шорничаютъ, столярничаютъ, веревки вьютъ, сѣти вяжутъ, проволоку тянутъ, гвоздь куютъ, суда строятъ, сундуки дѣлаютъ, изъ мѣди кольца, наперстки, кресты-тѣльники да бубенчики льютъ, всего не перечестъ... Кроме того народъ тысячами каждый годъ въ отхожіи промыслы расходится: кто въ лопманъ, кто въ Астрахань на вонючія рыбны ватаги, кто въ Сибирь на золотыя прииски, кто въ Самарскія степи пшеницу жать. Всего больше уходило прежде народу въ бурлаки, теперь пароходство въ конецъ убило этотъ тяжелый и вредный промыселъ. И слава Богу!...

Охочь до отхожихъ работъ нагорный крестьянинъ, онъ не степнякъ-домосѣдъ, что вѣкъ свой на мѣстѣ сидитъ, словно медъ, киснетъ, и опричь сосѣдняго ба-

зара да развѣ еще своего уѣзднаго города нигдѣ не бываетъ. Любитъ нагорный крестьянинъ постранствовать, любитъ людей посмотреть, себя показать. «Дома сидѣть, ни гроша не высидишь,—онъ говоритъ,—подъ лежачій камень и вода не течетъ, на одномъ мѣстѣ и камень мохомъ обрастетъ». Нѣтъ годнаго на сторонѣ промысла — въ извозъ ѣдетъ зимой... Не то избонну, мочену грушу да парену рѣпу по деревнямъ поѣдетъ мѣнять на кость, на тряпье, на желѣзный ломъ.

До того велика у нагорныхъ крестьянъ охота по чужой сторонѣ побродить, что изстари завелся у нихъ такой промыселъ, какого oprичъ еще литовскихъ Сморгонъ на всемъ свѣтѣ нигдѣ не бывало. Въ Сергачскомъ уѣздѣ деревень до тридцати медвѣжатнымъ промысломъ кормилось — жилось не богато, а въ добрыхъ достаткахъ. Закупали медвѣжатъ у сосѣднихъ чувашъ да черемисъ Казанской губерніи, обучали ихъ всякой медвѣжьей премудрости: «какъ баба въ нетопленной горницѣ угорѣла, какъ малы ребята горохъ воровали, какъ у Мишеньки съ похмѣлья голова болить». Хаживали сергачи со своими питомцами куда глаза глядятъ, ходили вдоль и поперекъ по русской землѣ, заходили и въ Нѣметчину на Липецкую¹⁾ ярмарку. Изстари велся тотъ промыселъ: еще на Стоглавомъ соборѣ, жалуюсь Грозному на поганскіе обычаи, архіереи про сергачей говорили, что они «кормяще и храняще медвѣдя на глумленіе и на прельщеніе простѣйшихъ человѣкъ...²⁾ велию бѣду на христіанство наводятъ»... Силенъ, могучъ, властенъ и грозенъ былъ царь Иванъ Васильевичъ, а медвѣжатниковъ извести не могъ. Изводилъ ихъ саксонскій король, а въ конецъ погубило заведенное недавно общество покровительства всякимъ животнымъ, oprичъ

¹⁾ Лейпцигъ.

²⁾ Стоглавъ, гл. 93.

человѣка. Тому назадъ лѣтъ съ пятьдесятъ потѣшали сергачи на Липецкой ярмаркѣ тамошній людъ медвѣжьей пляской. Какой-то нѣмецъ съ лѣснымъ бояриномъ обошелся невѣжливо, и снялъ съ него Михайло Иванычъ костяную шапку. Въ ужасъ впали нѣмцы—шутка-ль? Цѣлаго подданнаго лишился саксонскій король, а ихъ у него и безъ того не ахти много. Пожалобились. Воспретили сергачамъ по чужимъ царствамъ медвѣдѣй водить. Ни почему бы это было медвѣжатникамъ — русская земля длинна, широка, не клиномъ сошлась, есть гдѣ лѣсному боярину разгуляться, потѣшиться. Сердобольные покровители животныхъ вступились за Мишеньку: какъ дескать можно по бѣлѣ свѣту его на цѣпи таскать, какъ дескать можно Михайла Иваныча палкой бить, въ ноздри кольцо ему пронимать?.. Воспретили. Въ тридцати деревняхъ не одну сотню ученыхъ медвѣдѣй мужики перелобанили, а сами по міру пошли; все-таки — отхожіи промыслы.

А что въ прежни времена съ сергачами бывало, того не перескажешь. Но къ слову пришлось рассказать, какъ ученыхъ медвѣдѣй плѣннымъ французамъ на смотръ выставляли. Когда французы изъ московскаго полымя попали на русскій морозъ, забирали ихъ тогда въ плѣнъ сплошь да рядышкомъ, и тѣхъ полоняниковъ по разнымъ городамъ на житье разсылали. И въ Сергачъ сколько-то офицеровъ попало, полковникъ даже одинъ. На зиму въ городъ помѣщики съѣхались, ознакомились съ французами и по русскому добродушію пріютили ихъ, приголубили. Полоняникамъ не житье, а масленица, а тутъ подоспѣла и настоящая веселѣ, честна масленица, Семикова племянница. Сегодня блины, завтра блины — конца пированьямъ нѣтъ. И разговорились плѣнники съ радушными хозяевами про то, чего лѣтомъ надо ждать. «Не забу-

детъ, говорятъ, Наполеонъ своего сраму, новое войско сберетъ, опять на Россію нагрянетъ, а у васъ все истощено, весь молодой народъ забранъ въ полки—не сдобровать вамъ, не справиться». Капитанъ-исправникъ случился тутъ, говоритъ онъ французамъ: «правда ваша, много народу у насъ на войну ушло, да эта бѣда еще не великая, медвѣдей полки на французовъ пошлемъ». Плѣнники смѣются, а исправникъ увѣряетъ ихъ: самому де велѣно къ веснѣ полкъ медвѣдей обучить и что его новобранцы маленько къ службѣ ужъ привыкли—военный артикулъ дружно выкидываютъ. «Послѣ завтра милости просимъ ко мнѣ на блины, медвѣжій баталіонъ на смотръ вамъ представлю». А медвѣжатники по бѣлу свѣту шатались только лѣтней порой, зимой то всѣ дома. Повѣстили имъ отъ исправника, вели бы медвѣдей въ городъ къ такому-то дню. Навели звѣрей съ тысячу, поставили рядами, стали ихъ заставлятъ палки на плечо вскидывать, показывать, какъ малы ребята горохъ воровали. А исправникъ французамъ: «это, говоритъ, ружейнымъ приѣмамъ да по-егерски ползатъ они обучаются». Диву французы дались, домой отписали: сами де своими глазами медвѣжій баталіонъ видѣли. Съ той, видно, поры французы медвѣдями насъ и стали звать.

Чуть не по всѣмъ нагорнымъ селеньямъ каждый крестьянинъ хоть самую пустую торговлю ведетъ: кто лѣбомъ, кто мясомъ по базарамъ переторговываетъ, кто за рыбой въ Саратовъ ѣздитъ, да зимой по деревнямъ ее продаетъ, кто собираетъ тряпье, овчины, шерсть, иной—строевой лѣсъ съ Унжи да съ Немды¹⁾ лоняетъ; есть и «напольные мясники», что кошекъ да собакъ бьютъ да шкурки ихъ скорнякамъ продаютъ. Мало-мальски денегъ залежныхъ накопилось, тотчасъ

1) Рѣки въ Костромской губерніи, текутъ по лѣсамъ.

ихъ въ оборотъ. И ежели по скорости мужикъ не свихнется, выйдетъ въ люди, тысячами зачнетъ воровать. Бывали на горахъ крѣпостные съ милліонами, у одного Лысковскаго¹⁾ барскаго мужика въ Сибири свои золотые промыслы были. Теперь на горахъ немало крестьянъ, что сотнями десятинъ владѣютъ. Зато тутъ же рядомъ и бѣдность непокрытая. У иного дворъ крытъ свѣтомъ, обнесенъ вѣтромъ, платя что на себѣ, а хлѣба что съ себѣ, голя да перетыка — и голо, и босо, и безъ пояса. Такой бѣдности не замѣтно однакожь по близости рѣкъ, только въ мѣстахъ отъ нихъ удаленныхъ можно встрѣтить ее. Общинное владѣнье земель и частые передѣлы—вотъ гдѣ коренится причина той бѣдности. Чуть не каждый годъ мѣр-община передѣляетъ поля, оттого землю никто не удобряетъ, что де за прибыль на чужихъ работатъ? На дворахъ навозу — пролѣзть негдѣ, а на полѣ ни воза, землю выпалили, пошли недороды. Нѣтъ корысти въ передѣлахъ, толкуетъ каждый мужикъ, а община-мѣръ то и дѣло за передѣль... И богатые, и бѣдные въ одинъ голосъ жалобятся на тѣ передѣлы, да подѣлать ничего не могутъ... Община!... За то кому удастся выбиться изъ этой—прахъ ее возьми—общины, да завестись хоть невеликимъ кускомъ земли собственной, тому житье не плохое: земля на горахъ родитъ хорошо.

Въ лѣсахъ за Волгой бѣдняковъ, какіе живутъ на горахъ, наврядъ найти, за то и заволжскимъ тысячникамъ далеко до нагорныхъ богачей. Только эти богачи для бѣднаго люда не въ примѣръ тяжелѣй, чѣмъ заволжскіе тысячники. Лѣсной народъ добродушнѣй, проще, а нагорному пальца въ ротъ не клади. Нагорный богачъ норовитъ изъ осмины четвертину вытянуть, изъ блохи голенище скроить

¹⁾ Лысково—село на Волгѣ.